

УДК 821.161.1-3Грин

В. Б. Мусий

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова
доктор филологических наук,
профессор кафедры мировой литературы

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ВОСПРИЯТИЯ СОБЫТИЯ ЕГО УЧАСТНИКАМИ В РАССКАЗЕ АЛЕКСАНДРА ГРИНА «ОСТРОВ РЕНО»

Статья содержит наблюдения относительно путей выражения в рассказе Александра Грина субъективной модальности. Герой рассказа делает выбор между прежней «темной» жизнью и слиянием с природой, однако его пребывание в естественной среде оказывается кратковременным и заканчивается его смертью. Изучение субъективной модальности (точки зрения героя на себя и происходящее с ним) помогает понять авторскую идею, которая заключается в признании трагизма существования человека, переживающего конфликт с обществом, из-за того, что не находит в нем свободы и поэзии, с одной стороны, и не способного жить вне социума, с другой. Основное внимание сосредоточено на развитии бинарной оппозиции «свое – чужое», а также роли внешней и внутренней речи в раскрытии образов персонажей.

Ключевые слова: субъективная модальность, семантические оппозиции, точка зрения, внутренняя речь, событие, восприятие, Александр Грин

Рассказ Александра Грина «Остров Рено» (1909) – о жизни, в которой произошёл неожиданный поворот к другому, естественному, нормальному состоянию и которая оборвалась, едва начинаясь. Герой умирает в тот момент, когда для него впервые оказывается возможным счастье. Находясь вдали от корабля, на котором он нес службу, матрос Тарт обнаруживает, что все, что происходило с ним до этого, было фальшью, существованием, видимостью жизни. Ему предстоит сделать выбор между новым и тем, что уже стало для него обыденностью. Отсюда – стремление автора рассказа передать окружающее и происходящее через призму восприятия героя.

В основе субъективной модальности, пишет В. В. Михайленко, лежит философская категория оценки, которая позитивно или же негативно «аранжирует» модальное отношение говорящего к предмету разговора и выступает в тесной связи с другими модификаторами основной смысловой нагрузки высказывания – эмоциональностью, экспрессивностью, стилистической окрашенностью, которыми создается модально-оценочная рамка высказывания, направленная на реализацию коммуникативных целей – прагматико-когнитивных (проинформировать), прагматико-оценочных (высказать оценку, вызвать положительное / отрицательное отношение), прагматико-эмоциональных (выразить себя, вызвать чувство). Таким образом, считает этот автор, субъективная мо-

дальность дискурса может рассматриваться как единство категорий оценки и эмоционально-экспрессивного отношения к сообщению [4, с. 32]. Модус в художественном тексте, считает О. Н. Копытов, помогает автору достроить свой виртуальный мир, а вслед за этим – достроить виртуальный мир читателя. Одной из наиболее важных функций модуса в тексте является переключение сознания читателя на сознание персонажа. Причем, в художественном произведении, по мнению этого исследователя, читатель встречается с несколькими модусами: реального автора, автора-повествователя, персонажей [2]. В художественном тексте, отмечает другая исследовательница, М. Ю. Сидорова, именно выбор модуса способен образовывать события или наоборот проблематизировать их, ускорять или замедлять движение повествовательного времени...» [5, с. 201]. Цель предлагаемой статьи – изучить пути выражения в рассказе Александра Грина угла зрения персонажей на происходящее и уяснить на основе этого воплощенную в нем авторскую концепцию. Событием (то есть таким типом изменения состояния, который, согласно В. Шмиду, является фактическим и результативным, а также удовлетворяет требованиям релевантности, непредсказуемости, консекутивности, необратимости и неповторяемости) в рассказе, становится пропая с военного корабля одного из матросов, Тарта.

Первая часть рассказа содержит описание реакции на случившееся всеми на корабле. Боцман и капитан относительно спокойно воспринимают то, что произошло. Боцман лишь молча сплевывает табачную жвачку и хмурится, а капитан вначале вообще не вдумывается в то, что докладывает ему лейтенант, поскольку его беспокоит другая пропая – семерки, из-за чего у него не складывается пасьянс. Когда же пасьянс окончательно «не выходит», он, хотя и возвращается к сообщению лейтенанта о матросе и слушает уже «иначе», по-прежнему безразличен к судьбе Тарта. Прежде всего, в силу уверенности в том, что ему и так все понятно, он может «схватить фразу на полуслове», и в случившемся с матросом для него нет ничего неожиданного (матроса «хватил солнечный удар»). Его спокойствие и уверенность в себе подчеркиваются краткостью реплик, которые он бросает, а также тем, что они содержат императивную семантику: «Завтра, чуть свет, пошлите шесть человек, и пусть они пошарят во всех углах. <...>. Впрочем, что долго толковать; если он умер – черт с ним, а если жив – сотню линьков в спину!» [1, с. 254]. Наиболее полно передано переживание происходящего лейтенантом, эмоциональное состояние которого преимущественно выражено в его речи. Так, в репликах, обращенных боцману, вначале преобладает раздражение: «...вам следовало бы знать об этом больше, чем мне» [1, с.251-252], «...как вам это нравится, господин боцман» [1, с. 253], где обращение «господин», безусловно, содержит долю иронии; «Лучше позаботились бы вперед отпускать не шатунов, а служак» [1, с. 251]. Затем, доверившись заверениям боцмана, что матросы возвращаются, и он даже различает их голоса, лейтенант успокаивается, и обращается к тому уже иначе: «старина» [1, с. 252]. Когда же он сам слышит скрип уключин и видит шлюпку, лейтенант

окончательно обретает уверенность и спокойствие и с чувством пренебрежения к провинившимся матросам бросает в их адрес: «Канальи!». Но вскоре обнаруживается, что одного матроса по имени Тарт нет. Настроение лейтенанта вновь меняется, что подчеркивается замечанием, что он говорит: «унылым голосом». Множество вопросов, которые он «обрушивает» на прибывших с острова матросов, свидетельствует о его взволнованности и растерянности. Поскольку именно лейтенант переживает наиболее сложные и разнообразные чувства в связи со случившимся, повествователь в этой части рассказа чаще всего переходит на точку зрения лейтенанта. Субъективные (модусные) детали присутствуют не только в его репликах, но и в несобственно-прямой и внутренней речи. Вот один из фрагментов текста, в котором внутренняя речь лейтенанта переходит в высказывание: «И действительно, шлюпка долго не возвращается. Кабаков здесь нет, а устье реки совсем близко у этого берега. – В самом деле, – пробормотал лейтенант, – парни не торопятся» [1, с. 251]. Внутренняя, как и несобственно-прямая речь представляет особый интерес для исследования модусного плана художественного произведения, поскольку именно она наиболее точно выражает ту динамику чувств персонажа (диалектику его души), которая сопровождает процесс совершаемого им выбора. «Только обращение к мыслям человека, – пишет В. А. Кухаренко, – раскрывает пружину его действий и речей, их причину и истинное назначение» [3, с. 188]. Все то, что отмечено исследовательницей, можно применить к рассказу Александра Грина. Вот как заканчивается первая часть рассказа. Сначала передаются мысли лейтенанта о пропавшем матросе. Тревога за него и неопределенность его судьбы подкрепляют чувство опасности, которое он испытывает, думая об острове, а также рождают в нем мысли о смерти, об обреченности ей всех людей. Однако мысли о смерти быстро проходят, когда он вспоминает еще одно спасительное «свое» – родной дом: «Лейтенант вышел на палубу и долго, без мыслей, полный тяжелого сонного очарования, смотрел в темные очертания берега, строгого и таинственного, как человеческая душа. Там бродит заблудившийся Тарт, а может быть, лежит мертвый с желтым, заострившимся лицом, и труп его разлагается, отравляя ночной воздух. «Все умрем», – подумал лейтенант и весело вздохнул, вспомнив, что еще жив и через полгода вернется в старинные низкие комнаты, за окнами которых шумят каштаны и блестит песок, вымытый солнцем» [1, с. 255]. Мы остановились на этом фрагменте с тем, чтобы обозначить еще одну причину значимости передачи переживания случившегося лейтенантом. Благодаря «проникновению» в его душевное состояние, читатель понимает, что это обыкновенный человек, который способен тревожиться, сопереживать, как и все, боится смерти. Рассказ закончится тем, что действующие по приказу командиров корабля матросы застрелят Тарта. И без первой части, точнее наличия в ней картины внутренней жизни лейтенанта, читателю труднее осознать трагизм случившегося. По сути, и командование судном, и исполнители его приказов – обыкновенные, отнюдь не жестокие

люди. И Тарт, убивающий своих преследователей, – не ожесточившийся безумец. Столкнулись два представления о норме жизни. Для людей, находящихся на корабле, единственным условием безопасности является неукоснительное поддержание порядка, а для сделавшего выбор между кораблем и островом матроса свобода от установившегося в обществе порядка является главным условием его жизни.

Особая роль в рассказе А. С. Грина раскрытия субъективного переживания происходящего персонажами подчеркнута эпиграфом с содержащейся в нем установкой на то, что нужно прислушиваться главным образом к самому себе, к своей душе: «Внимай только тому голосу, который говорит без звука» (Древнеиндусское предание) [1, с. 250]. Эпиграф непосредственно связан с тем, что произошло с оставшимся на острове Тартом. Для матроса вначале лес – «чужое» («Чужая, прихотливо-дикая чаща окружала его»). Поэтому описание леса таким, как его увидел Тарт, напоминает картины импрессионистов: внимание сосредоточено на сиюминутном, изменчивом, передается непредвзятое восприятие этого нового мира (к примеру, сообщается, что Тарт радовался «как ребенок, великолепным новинкам леса»). Он замечает цвета и их оттенки, свет и тень, слышит голоса «чужого» мира леса, буквально «щупает» глазами природу. Начинается процесс апперцепции, приобщения к новому с помощью привычных и понятных образов: «Казалось, что из огромного зеленого полотнища прихотливые ножницы выкроили бездну сочных узоров. Густые, тяжелые лучи солнца торчали в просветах, подобно золотым шпагам, сверкающим на зеленом бархате». А цветы в воображении моряка сравниваются с водорослями «в освещенной воде» [1, с. 256]. Наконец страх уходит, и Тарт принимает решение не возвращаться на корабль, к прежней «темной» жизни, в которой он не принадлежал себе. Поэтому он сопротивляется Блемеру, исполняющему приказ не допустить того, чтобы он

остался на острове. А позже, когда не встречает новых преследователей, недоумевает. Здесь особе значение приобретает аутодиалог, разговор-спор героя с самим собой. Тарт задается вопросом: почему с ним так поступили? Почему оставили его и ушли? И тут же приводит доводы и контрдоводы. «Почему прекратили поиски? Почему не более как через шесть дней после ухода Тарта клипер направился в Австралию? Может быть, решили, что он мертв? Но в глазах экипажа остров был не настолько велик, чтобы потерять надежду отыскать человека или хотя бы его кости. <...>. Но ведь не бежит же от него клипер, в самом деле! Он вновь вспомнил свое убежище – скалистый овраг, с гладким, как паркет, дном и кровлей из цветущих кустов. Ничего нет удивительного, что клипер ушел ни с чем» [1, с. 268]. Таким образом, обнаруживается, что Тарт не может жить в абсолютной изоляции от других людей. В нем гораздо сильнее, чем голос естественного человека, начинает звучать голос игрока, охотника. А дальнейшее открывает, что и персонажи, принадлежащие организованному пространству корабля, тоже являются охотниками. Матросы, которых командиры

оставили на острове, начинают охоту на Тарта, а тот, в свою очередь, охотится на них. Он убивает нескольких преследователей и погибает сам.

Изложение цепи событий лишь с их внешней стороны упростило бы ту коллизию, о которой идет речь в рассказе. Именно характер переживания и осмысления происходящего персонажами (модусный, субъектный план произведения) позволяет открыть универсальный смысл произведения. На первый взгляд, в рассказе идет речь об общественном неблагополучии: человек, проживавший до сих пор «темную» жизнь, унижения и вынужденный пребывать там, «где ему не по сердцу», вступает в конфликт с командованием и исполняющими его приказ матросами, не позволяющими ему стать свободным. Однако на самом деле оказывается, что противопоставлены два мира: социума и природы. И обнаруживается, что все участники события принадлежат к одному и тому же миру. Поэтому бегство от людей дает Тарту возможность чувствовать себя счастливым лишь несколько дней. А затем он вновь возвращается к мыслям о том, куда он поедет потом, «зачем и ради чего». Теперь ему дышит в лицо «свобода, страшная в своей безграничности» [1, с. 269]. Трагизм ситуации заключается в том, что для человека оказываются одинаково невозможными как возвращение к изначальному тождеству с природой, так и сохранение свое идентичности и независимости в обществе.

Литература

1. Грин А.С. Собрание сочинений: В 6 т. / А.С. Грин. – М.: Правда, 1980. – Т. 1. – 496 с.
2. Копытов О. Н. Модус на пространстве текста : [монография] / О. Н. Копытов. – Хабаровск : Изд-во ХГИИ-ИК, 1012. – 299 с.
3. Кухаренко В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – Одесса : Латстар, 2002. – 292 с.
4. Михайленко В. В. Модусний маркер у структурі дискурсу / В. В. Михайленко // Вісник Житомирського державного університету. Вип. 45. Філологічні науки. – 2009. – С. 30–33.
5. Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста / М. Ю. Сидорова. – М. : Изд-во МГУ, 2000. – 416 с.

References

1. Grin A. S. Collected Works : Vols. 1 – 6 / A. S. Grin. – M. : Pravda, 1980.
2. Kopytov O. N. Modus on the sphere of text : Monograph. – Habarovsk, Izdatel'stvo HGIIK, 2012. – 299 p.
3. Kuharenko V. A. Interpretation of text / V. A. Kuharenko. – Odessa : Latstar, 2002. – 292 p.
4. Mychajlenko V. V. Modus Marker In Discourse Structure / V. V. Mychajlenko // Visnik Zhitomir's'kogo derzhavnogo universitetu. Vip. 45. Filologichni nauki, 2009, pp. 30–33.
5. Sidorova M. Ju. Grammar of artistic text / M. Ju. Sidorova. – Moscow : Izdatel'stvo MGU, 2000. – 416 p.

В. Б. Мусій

ЗАСОБИ ВИРАЖЕННЯ СПРІЙНЯТТЯ ПОДІЇ ЇЇ УЧАСНИКАМИ В ОПОВІДАННІ ОЛЕКСАНДРА ГРІНА «ОСТРІВ РЕНО»

Стаття містить спостереження відносно шляхів вираження в оповіданні Олександрі Гріна суб'єктивної модальності. Герой оповідання робить вибір між попереднім «темним» життям та єдністю з природою. Але його перебування у натуральному середовищі виявляється недовготривалим і закінчується

його загибеллю. Вивчення суб'єктивної модальності (точки зору та на те, що трапляється з персонажами) допомагає уявити авторську ідею про трагізм людського буття. З одного боку, людина переживає конфлікт з суспільством, у якому не знаходить вільності та поезії, а з другого – не може бути поза соціумом. Головну увагу приділено розвитку бінарної опозиції «своє – чуже», а також ролі зовнішнього та внутрішнього мовлення у розкритті образів персонажів.

Ключові слова: суб'єктивна модальність, семантичні опозиції, точка зору, внутрішнє мовлення, подія, сприйняття, Олександр Грін.

V. B. Musiy

METHODS OF EXPRESSION OF THE PERCEPTION OF EVENT BY ITS PARTICIPANTS IN STORY BY ALEXANDR GRIN «ISLAND RENAULT»

This article is devoted to the investigation of subjective modality of Alexander Grin's story «Island Renault». Main ways of expression of hero's point of view on the events and external world were distinguished and studied. The aim of the article is to determine the nature of author's conception of reality, embodied in the story of A.S. Grin. Attention was focused on the role of semantic opposition «own – alien» and also on the external and internal speech – it's functions in creation of picture of emotional state of personages and in expressing of their understanding of reality and themselves. The importance of internal speech in the story was underlined by Green, who included a part of «old Hindu legend» to his story as it's epigraph: «Listen only that voice, which talks without a sound». Internal speech expresses the dialectics of hero's soul. There are several parts in the story. The center of first part is emotional state of lieutenant on the military ship. He worries in connection with the loss of sailor that remained on an island. The reader understands that he is not cruel man. The analysis of subjective modality helps to see that main problems in the story have universe (common to all mankind and philosophical) but not social character. The second part of the story named «What the forest talks» is devoted to the expression of hero's way of understanding the nature's voice. The picture of the world in this part of the story demonstrates the connection of «Island Renault» with artistic works of impressionists: in usual a hero sees unexpected and unknown; all world is a great miracle for him. The hero of the story makes a choice between his old «dark» life and returning to nature. At first nature causes in his soul fear and thoughts about death, but later he feels the joy of harmony with the island. But this harmony has brief character and ends with his death. The center of the third part of the story – the clash of Tart and sailors who carry out the commander's orders and try to return him to the ship. Modus plan of this part is connected with the expression of the understanding of the events by the sailors and Tart. The study of subjective modality helps to understand the author's idea about the tragedy of human existence: people are in conflict with society because there is no freedom and poetry in it, on the one hand, but they can not live outside of society, on the other. The development of binary opposition «own – alien», as well as the reconstruction of external and internal speech of personages gives the reader the opportunity to understand author's conception, which concludes in the idea of total trouble existence of people.

Key words: subject modality, semantic oppositions, point of view, inner speech, event, reception, O. Green.